

Научная статья | Original paper

Сравнительно-сопоставительный анализ восприятия культурных различий в межкультурных браках: на примере русскоговорящих женщин в Объединенных Арабских Эмиратах и Норвегии

О.С. Павлова¹ , Н.В. Ткаченко¹, В.В. Гриценко¹, Н.Г. Баринова², О.В. Титова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
 pavlovaos@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Модернизация, урбанизация, миграция способствуют распространению браков между представителями разных социальных и этнических групп, поэтому исследования, которые посвящены изучению особенностей восприятия культурных различий в таких браках, являются актуальными.

Цель. Сравнительно-сопоставительный тематический анализ восприятия культурных различий в межкультурных браках у русскоговорящих женщин, состоящих в таких браках.

Гипотеза. Гипотеза сформулирована в виде исследовательского вопроса: как воспринимаются культурные различия русскоговорящими женщинами, состоящими в межкультурном браке с представителями стран с индивидуалистической (Норвегия) и коллективистической (ОАЭ) культурой?

Материалы и методы. В проведенном качественном исследовании с оторой на полуструктурированное интервью с русскоговорящими женщинами, состоящими в браках с представителями ОАЭ и Норвегии, по результатам тематического анализа Braun и Clarke проводился сравнительно-сопоставительный анализ особенностей восприятия культурных различий в межкультурных браках. В исследовании приняли участие русскоговорящие женщины, состоящие в межкультурном браке: всего 21 человек, 10 женщин, состоящих в браке с норвежцами и проживающих в Норвегии, 11 – находящихся замужем за арабами-эмироватцами и проживающих в ОАЭ. Возраст – от 22 до 69 лет ($M = 40$). Респондентки являются выходцами из стран бывшего Советского Союза, в том числе из Азербайджана, Казахстана, Молдовы, России, Украины. Все респондентки имели высшее образование. Опыт замужества – от 2 до 25 лет. Методом сбора данных выступило полуструктурированное интервью.

Результаты. Выявлены особенности восприятия культурных различий в межкультурных браках у русскоговорящих женщин, состоящих в браках с норвежцами и арабами-эмироватцами; выделены различные полюса одного и того же культурного фактора: взаимодействия с представителями восточной (арабской) культуры, русскоговорящие женщины ощущают себя в большей степени носителями западной культуры, тогда как, взаимодействия с представителями западной (норвежской) культуры, – носителями восточной культуры.

© Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Гриценко В.В., Баринова Н.Г., Титова О.В., 2025

CC BY-NC

Выводы. Межкультурные браки актуализируют воспринимаемую культурную дистанцию по параметрам «индивидуализм-коллективизм» и «дистанция власти»; разную роль в межкультурных браках выполняет религиозный фактор, играя копинговую роль и становясь мостом или барьером межкультурной коммуникации в браке.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный тематический анализ, восприятие культурных различий, межкультурные браки, дистанция власти, коллективизм и индивидуализм, воспринимаемая культурная дистанция, культурно-специфические различия, русскоговорящие женщины, Объединенные Арабские Эмираты, Норвегия

Для цитирования: Павлова, О.С., Ткаченко, Н.В., Гриценко, В.В., Баринова, Н.Г., Титова, О.В. (2025). Сравнительно-сопоставительный анализ восприятия культурных различий в межкультурных браках: на примере русскоговорящих женщин в Объединенных Арабских Эмиратах и Норвегии. *Социальная психология и общество*, 16(3), 99–121. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160306>

Comparative-contrastive analysis of the perception of cultural differences in intercultural marriages: the case of Russian-speaking women in the United Arab Emirates and Norway

O.S. Pavlova¹ , N.V. Tkachenko¹, V.V. Gritsenko¹, N.G. Barinova², O.V. Titova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation

 pavlovaos@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. Modernization, urbanization, and migration contribute to the spread of marriages between representatives of different social and ethnic groups. Therefore, studies devoted to the study of the peculiarities of the perception of cultural differences in such marriages are relevant.

Objective. A comparative thematic analysis of the perception of cultural differences in intercultural marriages among Russian-speaking women in such marriages.

Hypothesis. The hypothesis is formulated as a research question: How are cultural differences perceived by Russian-speaking women who are in an intercultural marriage with individuals from countries with individualistic (Norway) and collectivistic (UAE) cultures?

Methods and materials. In the conducted qualitative study, based on semi-structured interviews with Russian-speaking women married to representatives of the UAE and Norway, based on the results of the thematic analysis of Brown and Clark, a comparative analysis of the peculiarities of the perception of cultural differences in intercultural marriages was conducted. The study involved 21 Russian-speaking women in intercultural marriages: 10 women married to a Norwegian and living in Norway, 11 married to an Arab Emirati and living in the UAE. Age from 22 to 69 years ($M = 40$). The respondents come from the countries of the former Soviet Union, including Azerbaijan, Kazakhstan, Moldova, Russia, and Ukraine. All the respondents had higher education. Marital experience ranges from 2 to 25 years. The data collection method was a semi-structured interview; the analysis method was thematic analysis according to Brown and Clark.

Results. The article identifies the peculiarities of the perception of cultural differences in intercultural marriages among Russian-speaking women who are married to Norwegians and Emirati Arabs. The article highlights the different poles of the same cultural factor: when interacting with representatives of Eastern (Arab) culture, Russian-speaking women perceive themselves as more Western, while when interacting with representatives of Western (Norwegian) culture, they perceive themselves as more Eastern.

Conclusions. Intercultural marriages actualize the perceived cultural distance in terms of individualism-collectivism and power distance; the religious factor plays a different role in intercultural marriages, acting as a coping mechanism and becoming a bridge or barrier to intercultural communication in marriage.

Keywords: comparative thematic analysis, perception of cultural differences, intercultural marriages, power distance, collectivism and individualism, perceived cultural distance, culturally specific differences, Russian-speaking women, United Arab Emirates, Norway

For citation: Pavlova, O.S., Tkachenko, N.V., Gritsenko, V.V., Barinova, N.G., Titova, O.V. (2025). Comparative-contrastive analysis of the perception of cultural differences in intercultural marriages: the case of Russian-speaking women in the United Arab Emirates and Norway. *Social Psychology and Society*, 16(3), 99–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160306>

Введение

Стремительно меняющийся мир способствует миграции и увеличению межкультурных контактов, а социальные сети и интернет-пространство увеличивают возможности знакомства и общения представителей разных стран и культур. Нарастающее число межкультурных браков фиксируется во многих странах (Bandyopadhyay, 2021; Livingstone, 2017); часто такие браки заключаются между коренными жителями и иностранцами.

Так, в такой европейской стране, как Норвегия, 15% всех браков заключены между норвежцами и иностранцами (Statistic Norway, 2021¹), а в Объединенных Арабских Эмиратах более 30% эми-

ратцев женились на иностранках; в Дубае таких браков около 57% (по данным Федерального национального совета ОАЭ в 2016 году²). Среди иностранок, вышедших замуж за норвежца или араба-эмирата, немалую долю составляют женщины из России и постсоветских республик. Брачная миграция русскоговорящих женщин из стран постсоветского пространства описана как особый социокультурный феномен «русских жен», ставший своего рода брендом на международном брачном рынке (Рязанцев и др., 2018).

Межкультурный брак — это такая модель семейных отношений, в которой супруги принадлежат к разным культурным группам (например, этническим,

¹ Statistisk sentralbyr. Statistics Norway (2025). URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/07432> (дата обращения: 10.05.2025).

² Более трети всех граждан ОАЭ заключили браки с иностранками (2016). Русские Эмираты. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/bolee-treti-vsekh-grazhdan-uae-zaklyuchili-braki-s-inostra> (дата обращения: 10.05.2025).

религиозным) (Campbell, Silva, Wright, 2012). То есть к межкультурным бракам относятся браки между представителями разных этносов (народов), религий (или конфессий), стран (государств).

В различных культурах отношение к вступлению в межкультурные браки значительно отличается (Алагуев, 2022; Лурье, 2020; Сикевич, Поссель, 2019; Ростовская, Сулейманов, 2017; Van Niekerk, 2018) и является отражением ценностных ориентаций в группе. Те этнокультурные группы, которые нацелены на сохранение своих культурных особенностей (как правило, это малочисленные этнические группы), в большей степени склонны к этнической эндогамии. Представители больших этнических групп, для которых беспокойство утраты и размывания этнической идентичности характерно в меньшей степени (Степанова, 2022), относятся к вступлению в такие браки спокойно. Так, проведенные на российской выборке исследования (Лурье, 2020) показывают, что 77% русских студентов положительно относятся к межэтническим бракам, рассматривая их не через характеристики межгрупповых отношений, а как проявление индивидуальных чувств к партнеру. Представители более старшего поколения, родители, примерно в 30% случаев не хотели бы видеть в своей семье инокультурного зятя и в 20% случаев – инокультурную невестку (Сикевич, Поссель, 2019). Исследования на выборке разных этнических групп России (Северного Кавказа, Бурятии) показывают (Павлова, 2013, Алагуев, 2022), что «этническая идентичность в целом отрицательно связана с положительным отношением к вступлению в межкультурный брак» (Алагуев, 2022, с. 71). Важ-

но, что на отношение к межкультурным бракам может оказывать влияние религиозный фактор: межрелигиозные браки оцениваются разными этническими группами россиян менее положительно, чем межэтнические (Алагуев, 2021; Ростовская, Сулейманов, 2017).

Анализ российских и зарубежных исследований показывает противоречивость оценки успешности межкультурных брачных союзов. Ряд исследователей приходят к выводу, что отношения в межкультурной паре более стрессогенные, характеризующиеся более высоким риском распада (Foeman, Nance, 1999; Gaines, Angew, 2003). Российские ученые причины меньшей устойчивости межкультурных браков объясняют отсутствием в экзогамных браках механизмов внутрикультурной регуляции браков и системы общественного контроля, которые характерны для эндогенных браков (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1998), а также тем, что установление межличностных отношений связано с необходимостью взаимной адаптации к культуре супруга, ее принятия и формирования навыков межкультурной коммуникации, что связано с культурной дистанцией (Алагуев, 2021).

Адаптация к новой культуре в межкультурных браках часто приводит к трансформации идентичности одного или обоих супругов: нередко в межкультурных браках один из супругов ассимилируется в культуре другого (Павлова, 2013), сложностям в определении этнической идентичности детей, рожденных в таких браках. Проблемы в отношениях с родственниками супругов являются важным контекстом, в котором разворачиваются отношения в межкультурных

браках, а несовпадение и конфликт ценностных ориентаций приводят к межличностным конфликтам внутри семьи (Ростовская, Сулейманов, 2017).

Противоположная точка зрения на межкультурные браки связана с указанием на их стабильность и удовлетворенность супругов отношениями. Источниками стабильности и взаимопонимания психологи (Левкович, 1990) указывают личностные особенности супругов и их способности к установлению межличностных отношений, а с другой стороны, — создание интегративной семейной культуры, интегративной (би- или мультикультурной) идентичности, которые способствуют взаимопониманию и сохранению конструктивных отношений. Интегративные процессы могут проходить на основе общей объединяющей супружеской культуры: общей религии (к примеру, супруги принадлежат к разным этническим группам, но оба исповедуют ислам — это позволяет в качестве фундамента построения отношений использовать общие религиозные ценности и установки) (Баринова, 2024). Или разность этнического происхождения отчасти нивелируется принадлежностью к некой более крупной этнической группе: народы Кавказа, выходцы из стран бывшего СССР (жители постсоветского пространства). Все это помогает опираться в семейной межкультурной коммуникации на общие (интегративные) культурные паттерны (Галляпина, 2008).

Таким образом, неоднозначность полученных в науке данных об отношении общества к вступлению в межкультурный брак, о разнообразии факторов успешности/неуспешности межкультурных брачных союзов говорит о необходимости

исследования межкультурных браков на трех уровнях, на которых происходит взаимодействие партнеров: универсальном (общечеловеческом), культурном (групповом) и индивидуальном (Sue, 2001).

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на анализе индивидуального уровня, детерминированного культурой и обусловленного принадлежностью к этнокультурной общности, в которой происходила социализация и инкультурация супругов и через принадлежность к которой были впитаны ценности, нормы, социальные роли и правила.

Многочисленные исследования (Алагуев, 2021; Chebotareva, Volk, 2020) показывают, что воспринимаемая культурная дистанция (Babiker et al. 1980), то есть воспринимаемая людьми разница между своей и чужой культурными традициями, является ключевым аспектом, через призму которого анализируются отношения в межкультурных браках. Среди проблемных точек обычно называются (Cools, 2006): язык, общение, адаптация одного из супругов к культуре другого супруга и стране проживания, вопросы воспитания детей, общение с друзьями, гендерные роли и их содержание, традиции, публичность.

Поскольку убеждения, установки и поведение членов семьи относительно динамики семейных отношений конструируются и интерпретируются в рамках их культурной и исторической среды (Garcia-Mendoza, 2022), в нашем исследовании мы считаем возможным опираться на модели культурных изменений при описании культурных различий участников нашего исследования: через параметры индивидуализма-коллективизма (Hofstede, 1980; Триандис,

2010), а также уровня дистанции власти (Hofstede, 1980), которые существенным образом отражаются в содержании и форме построения супружеских отношений (Павлова, 2024). Данные параметры могут стать рамочными для анализа воспринимаемой супругами культурной дистанции и представлений супругов о культурных различиях в семейных отношениях. Рассматриваемая в нашем исследовании Норвегия с высоким уровнем индивидуализма (81) и низкой дистанцией власти (31) существенно отличается от соответствующих культурных измерений в странах постсоветского пространства (Россия — уровень индивидуализма — 46, уровень дистанции власти — 93; Азербайджан — 28/85 соответственно; Казахстан — 20/88; Молдова — 27/90; Украина — 55/92). Важно обратить внимание, что Россия — двухполюсная культура (Аузан, 2024), которой присуща двойственность и противоречивость проявления индивидуализма и коллективизма (Аузан, 2024; Пищик, 2024). В свою очередь, в Арабских Эмиратах уровень индивидуализма также достаточно низкий (36), а индекс дистанции власти высокий (74).

В культурах коллективистического типа люди ориентированы на поддержание тесных семейных связей и отношений с родственниками, которые часто принимают активную роль в жизни семейной пары, а общественный контроль оказывает существенное влияние на принятие решений в семье, воспитание детей и многие другие сферы семейной жизни (Триандис, 2010; Павлова, 2024). В свою очередь, в индивидуалистических культурах ценятся автономия, независимость и поддержание собственного «Я», а так-

же неприкосновенность частной жизни; а в воспитании детей — сепарация. Когда в семейной паре встречаются партнеры из коллективистической и индивидуалистической культуры, остро будет возникать вопрос соотношения между независимостью, автономией и поддержанием сложных и разветвленных семейных связей (Чеботарева, 2019).

Параметр дистанции власти также может ярко проявляться в отношениях в браке, так как распределение власти в семье — один из важнейших вопросов семейных отношений. Равноправие или иерархичность в супружеских и детско-родительских отношениях — это чаще всего покровительственное и/или контролирующее поведение мужчины в патриархальных семьях или партнерские отношения в эгалитарных семьях. В этом контексте западные культуры с низкой дистанцией власти в большей степени тяготеют к партнерским семейным отношениям, тогда как восточные культуры с высокой дистанцией власти — к патриархальной модели брака, когда мужчина — глава семьи и покровитель жены и детей.

Воспринимаемая как высокая культурная дистанция между россиянками и арабами, россиянками и норвежцами (Федотова, 2022; Фишман, 2007) позволяет предположить возникновение сложностей в отношениях в межкультурном браке между россиянками и арабами из ОАЭ, россиянками и норвежцами из Норвегии.

На основании проведенного нами теоретического анализа, позволяющего увидеть некоторые социально-психологические контексты межкультурного брака через призму культурных измерений и воспринимаемой культурной дистанции, мы сформулировали исследовательский

вопрос: как воспринимаются культурные различия русскоговорящими женщинами, состоящими в межкультурном браке с представителями стран с индивидуалистической (Норвегия) и коллективистической (ОАЭ) культурой?

Материалы и методы

Схема проведения исследования. Интервью проводилось во время очной беседы с респондентами и в среднем длилось 120–150 минут. Предварительно респондентам была предоставлена информация об основной теме исследования, политике конфиденциальности и последующем использовании ответов. Применялся метод полуструктурированного интервью с использованием заранее подготовленного списка вопросов — гайда. Впоследствии ответы, полученные в ходе интервью, были транскрибированы, переведены в текстовый формат для последующего анализа.

Выборка. 21 русскоговорящая женщина, состоящая в межкультурном браке: 10 женщин состояли в браке с норвежцами и проживали в Норвегии, 11 — замужем за арабами-эмиратцами и проживали в ОАЭ. Возраст — от 22 до 69 лет ($M = 40$).

Респондентки являются выходцами из стран бывшего Советского Союза, в том числе из Азербайджана, Казахстана, Молдовы, России, Украины. Средний уровень образования — не менее 1 высшего образования. Опыт замужества — от 2 до 25 лет. Объединение респонденток в одну группу объясняется тем, что страны бывшего СССР характеризуются близостью к индексам коллективизма и высокой дистанции власти (Аузан, 2021), однако именно сравнительный фокус позволяет увидеть, что для Норвегии постсоветское пространство — более «восточное» (с социокуль-

турной точки зрения), а для ОАЭ — более «западное». Исследования (Galchenko I., van de Vijver F., 2007, Suanet I., van de Vijver F.J.R., 2009, Берриос Кальехас С.А., 2021) показывают низкую культурную дистанцию с русской культурой у представителей стран бывшего СССР, что объясняется в том числе знанием русского языка (Берриос Кальехас С.А., 2021) и позволяет говорить о проявлениях ценностной и культурной схожести русскоговорящих женщин в браках с представителями Норвегии и ОАЭ. Особенно это характерно для проживания в эмиграции, где представители русскоговорящих этнических групп чувствуют определенную культурную близость, в том числе за счет владения русским языком.

Подробное описание выборки по возрасту, этнической принадлежности своей и супруга, стране происхождения, стране проживания и длительности проживания в ней представлено в табл. 1.

Методы исследования. Использован метод полуструктурированного интервью, позволяющий подробно и полно описать изучаемый феномен (Квале, 2003).

Топик-гайд интервью имел следующую структуру:

1-й блок. Вступление (установление контакта, разъяснение процедуры, информированное согласие и т.п.).

2-й блок. Рефлексия опыта супружества с представителем другой культуры, степень удовлетворенности жизнью в целом и семейными отношениями в частности.

3-й блок. Анализ культурных различий в условиях межкультурного брака.

4-й блок. Завершение интервью (прояснение отдельных непонятных высказываний в ответах респондента, осущест-

Таблица 1 / Table 1

Основные характеристики выборки исследования
Main characteristics of the study sample

Код респондента / Respondent code	Возраст, лет / Age, years	Этничность / Ethnicity	Страна происхожде- ния / Region of origin	Страна проживания / Place of residence	Период проживания / Period of residence	Этничность супруга / Spouse's ethnicity
A	45	Русская	РФ	Норвегия	5	Норвежец
B	56	Русская	Молдова	Норвегия	20	Норвежец
C	69	Русская	РФ	Норвегия	15	Норвежец
D	42	Украинка	Украина	Норвегия	16	Норвежец
E	48	Русская	РФ	Норвегия	19	Норвежец
F	40	Русская	РФ	Норвегия	9	Норвежец
G	39	Украинка	Украина	Норвегия	19	Норвежец
H	47	Казашка	Казахстан	Норвегия	13	Норвежец
I	63	Русская	РФ	Норвегия	23	Норвежец
J	49	Русская	Азербайджан	Норвегия	16	Норвежец
K	38	Русская	РФ	ОАЭ	23	Эмиратец
L	39	Русская	РФ	ОАЭ	14	Эмиратец
M	25	Русская	РФ	ОАЭ	15	Эмиратец
N	43	Русская	РФ	ОАЭ	13	Эмиратец
O	22	Русская	РФ	ОАЭ	4	Эмиратец
P	50	Русская	РФ	ОАЭ	28	Эмиратец
R	33	Русская	РФ	ОАЭ	9	Эмиратец
S	32	Татарка	РФ	ОАЭ	17	Эмиратец
T	34	Русская	РФ	ОАЭ	8	Эмиратец
U	32	Татарка	РФ	ОАЭ	7	Эмиратец
V	36	Русская	РФ	ОАЭ	9	Эмиратец

вление тактичного и бережного выхода из ситуации интервью).

Интервью проходило по следующему плану. Респонденткам предлагалось обсудить-отрефлексировать опыт межкультурного брака. Последовательность вопросов варьировалась в зависимости от индивидуального хода беседы с респон-

дентками. Интервью проводилось как очно, так и через программы видеоконференции. При обработке результатов был использован тематический анализ (Braun, Clarke, 2022), ориентированный на получение, выделение новых метакатегорий (тем), позволяющих более полно изучить исследуемый феномен.

Процедура тематического анализа представляет собой последовательное многоступенчатое кодирование, где из транскрибированных интервью выделялись первичные коды, представляющие собой фразы респондента, небольшие фрагменты текста. Затем мы двигались к кодам более высокого порядка и уровня обобщения, которые впоследствии формировались в темы для организации полученных данных (Бусыгина, 2019). Темы выделялись непосредственно из эмпирических данных.

Валидность обеспечивалась соблюдением правил качественного исследования на этапах сбора, анализа и интерпретации

данных (Мельникова, Хорошилов, 2014), в частности достижение триангуляции осуществлялось за счет триангуляции исследователей, при которой каждый исследователь на всех этапах проведенного исследования повторял одно и то же действие независимо от других (Кошарная, Кошарный, 2016).

Результаты

Проведенное исследование позволило выделить темы, содержание которых проанализировано в сопоставительно-сравнительном аспекте. В табл. 2 представлены темы и их содержание.

Таблица 2 / Table 2

Темы и содержание тем Topics and content of topics

N	Тема / Topics	Содержание темы / Content of topics
1	Новая семья как индивидуальный и культурный вызов	Семейные нормы и правила, отношения с родственниками со стороны супруга в культуре норвежцев в Норвегии и культуре арабских семей в ОАЭ. Семейные нормы колективистической культуры с высокой дистанцией власти в ОАЭ вызывают у русскоговорящих женщин потребность в автономии; нормы индивидуалистической культуры с низкой дистанцией власти — потребность в близости и вовлеченности
2	Ролевые ожидания и притязания в браке	Семейные роли и отношения между супругами, детьми и родителями в индивидуалистической культуре с низкой дистанцией власти норвежцев в Норвегии и колективистической культуре с высокой дистанцией власти в арабских семьях в ОАЭ. В семьях в ОАЭ равноправие между супругами и детьми невозможно, что вызывает протест у русскоговорящих женщин. В семьях норвежцев установка на равноправие вызывает у русскоговорящих женщин потребность к проявлению заботы и поддержки со стороны супруга
3	Роль религиозного фактора в межкультурном браке	Религиозность как копинг-стратегия совладания с трудностями в браке для русскоговорящих женщин в браках в Норвегии и ОАЭ. Религия как способ преодоления межкультурных различий в браках в ОАЭ и межкультурный барьер в Норвегии
4	Язык как основа личной значимости и агентности	Утрата или снижение агентности за счет языкового барьера

Раскроем подробнее анализ представленных в таблице тем.

Тема: Новая семья как индивидуальный и культурный вызов

Респондентки, находящиеся в браке с норвежцами, отмечают, что, несмотря на то, что они видят преимущества в проживании в нуклеарной семье (формат семьи, в которой проживают, постоянно взаимодействуют и поддерживают друг друга только муж, жена и дети, в то время как первичные семьи мужа и жены остаются на периферии взаимодействия и контактов и перестают принимать какое-либо участие в жизни новой семьи), в послеродовой период они ищут поддержку в своей первичной семье: «он всегда говорил, что мне нужен партнер. Партнер. Что мы делим пополам. Все. потом со временем мне пришлось это принять. Ну что мы все должны поделить пополам» (Е).

В браках с норвежцами респондентки отмечают определенную холодность и дистанцию во взаимоотношениях с супругом и его родителями, ожидают от них большей вовлеченности и заинтересованности, в то время как норвежцы как носители индивидуалистических ценностей ориентированы на самостоятельность супруги: «Мой супруг все время дает знать о том, что не понимает, зачем в воспитании детей принимают участие мои родители» (F). Со стороны русско-говорящей супруги ожидаема и желанна поддержка со стороны ее родственников.

В то же время респондентки, находящиеся в браке с эмиратцами, воспринимают как избыточную опеку расширенной семьи мужа и стремятся к большей автономии. Респондентки, ожидая безуслов-

ную поддержку и заботу со стороны мужа и его большой семьи, напротив, начинают «невольно дистанцироваться» от излишней близости, от чрезмерного влияния расширенной семьи мужа на ее личную жизнь, на воспитание и уход за ее детьми. Такие отношения оцениваются ею как некомфортные, но из которых женщина «никуда деться не может» (L). При этом включенность в «женский дом» (P) – не временный эпизод в семейных отношениях, а «на всю жизнь» (P), когда «большая семья собирается на ежедневные, пятничные праздники, обслуживает визиты, семейные собрания» (L).

Все это приводит к явному конфликту ожиданий супругов от отношений в браке.

Тема: Ролевые ожидания и притязания в браке

Для респонденток из ОАЭ «равноправие в браке невозможно» (T), даже в случае финансовой обеспеченности женщины, прежде всего за счет высокой дистанции власти и патриархального типа семьи. Ограничение права женщины участвовать наравне с мужем в обсуждении семейных дел и планов воспринимается нацеленными на партнерские отношения женщинами как недооценка их способностей, в то время как арабские мужчины воспринимают женщин как тех, о ком надо заботиться. Супруг-араб «чувствует себя в опасности, если женщина стремится к финансовому равноправию в семье» (U). Отсутствие равноправия с партнером в дискуссиях, обсуждениях, делах фрустрирует русскоговорящих женщин: «И даже если у тебя, условно, 18 образований и 3 ученые степени, ты не можешь быть равным собеседником, так как рас-

сматриваешься, в первую очередь, как супруга и женщина» (S). В браке с арабами, если женщина стремится к другим ролям, кроме принятых в семье, она «выглядит достаточно странно» (L). Роль арабской женщины предполагает включенность в жизнь семьи, в семейные дела «24 часа в сутки» (L), женщина «поглощается семьей, бытом» (L). В таком случае выход из дома, например, на учебу или работу, может восприниматься как « побег, предательство семьи» (O).

Все это вызывает внутренний протест у респонденток: «Я как личность не могу реализоваться» (S); «я испытываю личностный дискомфорт, при этом я не хочу терять семью» (P). Часто это приводит к чувству потерянности, неуверенности в себе: «Если бы была возможность вернуть все назад, то я бы ограничилась одним ребенком, маленькой семьей, но для меня было бы важно реализоваться профессионально. Так как испытываю даже трудности в общении со своими детьми, потому что во мне сидит такая вот нереализованность» (S).

В браке с норвежцем вопреки ожиданиям женщин респондентки чувствуют отсутствие в семье понятного распределения ролей: что муж возьмет на себя роль главы семьи. Русскоговорящие жены норвежцев ожидают от мужей большей строгости и контроля за поведением детей и их жизненными выборами.

В Норвегии оба супруга одинаково вкладывают в обеспечение и развитие семьи: «...женщина может платить за себя, а еще и за меня» (B). Это считается одним из «камней преткновения» для русскоговорящих респонденток, которые хотят увидеть заботу и поддержку мужа в его ответственности за финансовое bla-

гополучие жены, детей и семьи в целом. Однако они сталкиваются с установками «рабочего и финансового» равноправия со стороны мужа-норвежца, которое интерпретируется ими как «холодность, равнодушие» (I).

Низкая дистанция власти проявляется себя в специфике детско-родительских отношений в норвежских семьях. «Например, начиная с 16 лет родители не имеют возможности посмотреть медицинскую карту ребенка» (G). Такая ранняя свобода и самостоятельность детей способствует субъективной потере влияния на них со стороны матери. Фактически респондентки теряют возможность опереться на привычную модель воспитания детей, когда: «я хочу, чтобы он делал так-то и так-то» (G). При этом со стороны мужей-норвежцев такие установки жен и матерей кажутся проявлением строгости, мужья видят в этом монополию на принятие решений.

В межкультурном браке с норвежцами женщины поставлены перед необходимостью осваивать новую культурную модель роли жены и матери. В это время роль матери, женщины может выступать как опора и как «ловушка в новых условиях» (C). В Норвегии это новое требование выступает как безусловная трудность, когда «слишком много на себя берет ответственности женщина в семье» (I), пытаясь справиться со всеми ролями вместе, как с традиционными (жена, мать), так и менее традиционными для нее (равноправный партнер, в решении финансовых проблем и шире, в делах экономического планирования и оценки рисков). Женщина тем не менее ожидает «другой вклад супруга» (I), сталкивается с тем, что ей приходится

вносить значительный экономический вклад в развитие семьи. «Я взяла на себя дом, готовку, ребенка. А вот у него футбол» (J). Респондентки также говорят о том, что «муж ожидает от детей, чтобы они просто были детьми, им не приписываются мужские или женские роли» (J). Ролевое, в том числе гендерное равноправие, — одна из самых трудных в принятии респондентками норм норвежской культуры. Такое неприятие демонстрируется особенно в случае полового воспитания детей, где мужчина как отец поддерживает право на самоопределение детей в выборе мужского и/или женского ролевого поведения самими детьми. Данный аспект входит в серьезный конфликт с представлениями о роли мужа как отца у женщины, так как она ожидает, что именно отец должен транслировать мужскую модель поведения для своих дочерей и/или сыновей (например, быть заботливым и нежным с дочерьми и ассертивным и жестким — с сыновьями).

Тема: Роль религиозного фактора в межкультурном браке.

Религиозность как копинг-стратегия

Для респонденток из ОАЭ общая с супругом религия выступает как основной способ коммуникации, ценность и ресурс для построения межэтнических отношений в браке. Создавая определенную систему религиозных ценностей, религия и религиозная идентичность, с одной стороны, помогают женщинам справляться с ролью супруги и матери: «В этом браке я пересмотрела мою личность, мою повседневность и фокус внимания. Как будто бы я увидела другой образец женского благополучия» (U), а с другой стороны, воспринимать возникающие в

семье трудности как естественный этап жизни, достойное преодоление которых является религиозной обязанностью верующей женщины: «все, что происходит в жизни, — альхамдуиллах. Значит, по какой-то причине мне нужно было это испытать. Хвала Аллаху за все, это все благодаря Ему, мои усилия, наверное, имеют мало значения, все — по Воле Аллаха» (R); «Сейчас я чувствую, что у меня есть испытание — мне нужно вырастить достойно мою дочь как хорошую мусульманку» (S).

Несмотря на то, что религия не является смыслом и целью создания межкультурного брака с норвежцем, именно конфессиональный фактор становится темой удержания культурной идентичности, ее маркером, при этом в определенном смысле становясь межкультурным барьером: «Муж — атеист, очень много было разговоров: религия — опиум для народа, причем не просто атеист, а какой-то воинствующий. Когда я начинала воцерковляться, на это тоже смотрели как-то так» (E). Для крещеных в православии респонденток из Норвегии необходимость влияния на своих детей в области религиозных ценностей обеспечивается тайно, скрыто: «мои дети будут православными, я их крещу, хоть тайно» (A). Для женщин, состоящих в браке с норвежцами, религия выступает своеобразным гарантом трансляции ценностей родной культуры.

Тема: Национальный язык как основа значимости и агентности

Для респонденток из норвежских семей выражено ощущение беспомощности, сопровождающееся чувством утраты к способности делать в своей жизни осоз-

нанный и свободный выбор. И, в первую очередь, это связано с отсутствием знания норвежского языка. Это приносит ощущение уязвленности: «у меня нет ни семьи, ни друзей» (С), «как ребенок, я вынуждена обращаться за помощью все время к мужу, за утешением — к мужу» (Д). При этом для норвежца потребность жены в эмоциональной поддержке становится «непосильной ношей» (Д).

Женщины, состоящие в браке с представителями ОАЭ, ощущают меньшую фрустрированность за счет английского языка общения (в отличие от Норвегии): «язык общения здесь — английский, конечно» (О), однако внутри семьи респондентки ощущают свою беспомощность, выключенность из семейного коммуникативного поля. Прежде всего за счет того, что в арабских семьях домашний, неформальный язык общения — арабский.

Обсуждение результатов

Таким образом, анализ полуструктурированных интервью позволил выделить наиболее значимые темы, раскрывающие восприятие русскоговорящими женщинами культурных различий в межкультурных браках, и сделать вывод об универсальном и культурно специфичном в этом восприятии.

Нами было выделено четыре темы, в которых респондентки наиболее часто сообщали о культурных различиях в браках.

Тема «Новая семья как индивидуальный и культурный вызов» раскрывается в ожиданиях женщин от поведения супругов. Здесь отражается реакция женщин на новые семейные нормы и правила, на отношения с родственниками со стороны супруга в индивидуалистической культуре норвежцев в Норвегии и

коллективистической культуре арабских семей в ОАЭ. Так, женщина, находящаяся в уязвимом положении (например, только что родившая первого ребенка, находящаяся в незнакомой для себя обстановке), ищет и находит для себя поддержку и опору в привычном сообществе, воспринимая его как тыл и безусловную поддержку, что отражает данные других исследований (Ростовская, Сулейманов, 2017; Ростовская, 2022).

Иными словами, респондентки, находящиеся в браке с арабами, испытывают дискомфорт от чрезмерно близкой дистанции в отношениях с расширенной семьей мужа, их тяготит чрезмерность участия в жизни ее семьи расширенной семьи мужа, особенно женской части (мамы, сестры, тети и т.д.), что провоцирует у респонденток актуализацию индивидуалистических ценностей. В индивидуалистической культуре Норвегии женщины воспринимают дистанционность и удержание личных границ как отсутствие эмоциональной поддержки со стороны мужа и его семьи и вынуждены прибегать к помощи своих родственников в уходе за ребенком.

Таким образом, в качестве одного из важных выводов на основе анализа данной темы мы можем отметить, что у респонденток при взаимодействии с арабами как яркими представителями коллективистической культуры актуализируются индивидуалистические ценности, в то время как при взаимодействии с норвежцами — усиливаются коллективистические ценности. Возможно, это объясняется двухъядерностью российской культуры: наличием в России одновременно индивидуалистических и коллективистических паттернов (Аузан, 2024),

с одной стороны, и их противоречивым проявлением — с другой (Пищик, 2024).

Тема «Ролевые ожидания и притязания в браке» описывает семейные роли и отношения между супружами, детьми и родителями в индивидуалистической культуре с низкой дистанцией власти норвежцев в Норвегии и коллективистической культуре с высокой дистанцией власти в арабских семьях в ОАЭ.

В более традиционной и патриархальной модели семейных отношений, которая характерна для ОАЭ, русскоговорящие женщины воспринимают заботу и протекторат супруга и его семьи как сдерживающие их индивидуальное развитие и финансовую самостоятельность, что согласуется с данными других исследований (Ростовская, Кучмаева, Афзали, Ирсецкая, 2022).

В индивидуалистической модели эгалитарных семейных отношений с низкой дистанцией власти, характерных для Норвегии, русскоговорящие женщины, напротив, воспринимают поведение супруга, ориентированного на равноправие и свободу, как попустительство и равнодушие к делам семьи. Здесь актуализируется традиционное восприятие гендерных ролей, где мужчина воспринимается как «глава семьи» и от него ожидают большей ответственности, а акцент на равноправии может восприниматься женщинами как попытка ухода от ответственности (Garc a-Mendoza, 2022).

Противоречия в ролевых взаимных ожиданиях сопровождаются ощущением дискомфорта и неудовлетворенности браком независимо от того, из каких ценностей «звучит голос» конфликта — из высокодистантной культуры ОАЭ, в которой мужчина принимает решение о благо-

получии своей семьи и о роли жены в ней, или из низкодистантной культуры Норвегии, в которой муж ожидает равноправных, партнерских отношений с женой.

Тема «Роль религиозного фактора в межкультурном браке». Проведенное исследование показало, что религиозность выступает как копинг-стратегия совладания с трудностями в браке для русскоговорящих женщин в браках в Норвегии и ОАЭ. Женщины прибегают к религиозным ресурсам как к способу совладания со стрессом аккультурации, а также как способу удержания культурной идентичности, что подтверждается данными психологических исследований об использовании религиозности как адаптивного ресурса к социальным изменениям (Жог, Соколовская, 2015).

При этом религия выступает как ресурс для преодоления межкультурных различий в браках в ОАЭ (Van Niekerk, Verkuyten 2018; Ростовская, Сулейманов, 2017) и межкультурный барьер в Норвегии. Так как в ОАЭ все проанализированные нами семьи имели общую религиозную идентичность, для женщин в браке с арабом-мусульманином религия часто становится самостоятельной целью и ценностью брака (выйти замуж за единоверца) и переезда в другую страну в целом (жить в мусульманской стране) (Баринова, 2024), в то время как для респонденток, состоящих в браке с представителями культуры Норвегии, религия выступает как способ удержания собственной культурной идентичности и как возможность транслировать ее своим детям, пусть даже и тайно. Но, несмотря на различия, и для респонденток из Норвегии, и для респонденток из ОАЭ религия выступает определенным копинг-ресурсом в межкультурном браке.

Тема «Национальный язык как основа значимости и агентности» раскрывается в утрате или снижении агентности за счет языкового барьера.

Сравнительно-сопоставительный анализ по данной теме позволяет сделать вывод о том, что язык является одним из важнейших барьеров понимания, с одной стороны, и выступает фактором риска потери агентности — с другой. Исследования подтверждают, что отношение к языку и культуре связано с взаимопониманием в паре (Stępkowska, 2021) и способствует успешности семейных отношений. Двуязычие в межкультурной паре помогает выйти за пределы культурной специфики выражения чувств и увидеть многообразие проявления эмоций в разных культурах (Ting-Toomey, Stella, 2009).

Особенно сильно языковая фрустрация может ощущаться женщинами в Норвегии, так как в индивидуалистической низкоконтекстной культуре ожидается прямая открытая коммуникация, которая всегда предполагает достаточный уровень языковой и коммуникативной компетентности.

При браке с партнером из коллектиivistической высококонтекстной культуры ОАЭ влияние женщины на мужа и на семью в целом предполагается, но не напрямую, а латентно, скрытно. Действительно, отмечается высокое влияние женщин на Востоке через культурные «реверансы» и чувствительность к контексту. Большое влияние в этом принимает расширенная семья мужа. Однако респондентки в силу отсутствия арабского языка чувствуют свое одиночество и невключенность в «женский клуб», что приводит к невозможности культурно-тически оказывать влияние на принятые

решения в семье в целом и на мужа в частности.

Заключение

В результате проведенного тематического анализа полуструктурированных интервью с русскоязычными женщинами, проживающими в межкультурных браках с представителями ОАЭ и Норвегии, были выявлены особенности восприятия культурных различий русско-говорящими женщинами, состоящими в межкультурном браке.

Межкультурные браки актуализируют воспринимаемую культурную дистанцию по параметру «индивидуализм-коллективизм». При этом в браке с норвежцем у женщины актуализируются коллективистические ценности, выражющиеся в том числе в желании разделить ответственность, опираться на ролевую традиционность. В то время как в арабском браке у женщины актуализируются ориентация на индивидуалистические ценности: самореализацию, самостоятельность, ценность автономии.

Культурная дистанция относительно распределения ролей в семье, которую возможно поместить в континuum дистанции власти, воспринимается женщинами в контексте равноправия/подчинения. В браке с норвежцем женщина равноправна и при этом испытывает фрустрацию и депривацию поддержки и заботы, в арабском браке женщина подчиняется мужу и расширенной семье, чувствуя себя несамостоятельной и бесправной.

Религиозный фактор является важным мотивом заключения большинства арабских браков, в том числе как цель образования и воспитания детей в религиозной среде, в то время как в браке

с норвежцем религиозный фактор не является важным смыслообразующим параметром отношений. Однако и в норвежском, и в арабском браке религия выступает как копинг-стратегия совладания с трудностями восприятия культурных различий, являясь ресурсом и значимой поддержкой русскоговорящих женщин в процессе преодоления трудностей адаптации к культуре супруга.

Внутрисемейное общение на английском языке и незнание языка этнической группы мужа приводят к утрате или снижению агентности и личной значимости, языковым барьерам, сложностям в социокультурной адаптации, что ожидаемо приводит к фрустрированности и ощущению беспомощности, которое по-разному проявляется в низкоконтекстной культуре Норвегии и высококонтекстной культуре ОАЭ. Повышение языковой компетентности способствует эффективности внутрисемейной коммуникации, а также адаптации в новой социокультурной среде, что в итоге будет способствовать ощущению повышения агентности и личной значимости.

Таким образом, результатом сравнительного анализа восприятия культурных различий у русскоговорящих женщин, состоящих в браках с представителями культуры ОАЭ и Норвегии, является выделение различных полюсов одного и того же культурного фактора: взаимодействуя с представителями восточной (арабской) культуры, русскоговорящие женщины ощущают себя в большей степени носителями западной культуры, тогда как, взаимодействуя с представителями западной (норвежской) культуры, — носителями восточной культуры. Выявить, в какой степени

актуализация индивидуально-личностного потенциала женщин, состоящих в браках с представителями западной и восточной культуры, выступит стимулом для нахождения своего места в новой среде — это задача наших будущих исследований.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие теории воспринимаемой культурной дистанции в межкультурных браках, в понимание культурных универсалий и культурной специфики в межкультурных браках русскоговорящих женщин, а также в развитие понимания сложного характера культурных параметров индивидуализма и кол lectivizma и их противоречивого проявления в межкультурном взаимодействии с партнерами из разного типа культур. Перспективным является изучение восприятия культурных различий как у женщин, так и мужчин, состоящих не только в российско-норвежском и российско-арабском межкультурном браке, но и в других типах межкультурных браков. На основе полученных в рамках проведенного исследования данных его авторы планируют разработку методических материалов, которые будут способствовать развитию успешной психологической и социальной помощи русскоязычным женщинам в части реализации более точных стратегий налаживания взаимопонимания между супругами в межкультурных парах, основанных на изучении механизмов развития их отношений и роли культуры в этом процессе.

Ограничения. Наше исследование не рассматривало особенности восприятия женщинами культурных различий

в межкультурных браках в зависимости от стажа семейной жизни, семейного статуса (разведена, состоит ли в повторном браке и т.д.), степени информированности женщин и готовности их к вступлению в такой брак, что, безусловно, влияет на восприятие ими межкультурных различий.

Limitations. Our study did not consider the specifics of women's perception of cultural differences in intercultural marriages, depending on their length of marriage, marital status (divorced, remarried, etc.), level of awareness, and readiness to enter into such a marriage, which undoubtedly affects their perception of intercultural differences.

Список источников / References

1. Алагуев, М.В., Галяпина, В.Н. (2022). Роль социальных идентичностей в выборе супруга другой культуры: кросс-региональный анализ. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(2), 259–277. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-259-277>
Alaguiev, M.V., Gal'apina, V.N. (2022). The role of social identities in choosing a spouse from another culture: cross-regional analysis. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(2), 259–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-259-277>
2. Алагуев, М.В. (2021). Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера. *Национальный психологический журнал*, 1, 63–75.
Alaguiev, M.V. (2021). Entering into an intercultural marriage: Factors affecting mate selection. *National Psychological Journal*, 1, 63–75. (In Russ.).
3. Алагуев, М.В. (2022). Социальные идентичности и отношение к межкультурным бракам в поликультурных регионах России: роль воспринимаемой безопасности. *Мир психологии*, 1(108), 93–105. https://doi.org/10.51944/2073-8528_2022_1_93
Alaguiev, M.V. (2022). Social identities and attitudes towards intercultural marriages in poly-cultural regions of Russia: the role of perceived security. *World of Psychology*, 1(108), 93–105. (In Russ.). https://doi.org/10.51944/2073-8528_2022_1_93
4. Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М., Сусоколов, А.А. (1998). *Этносоциология: Учебное пособие для вузов*. М.: Аспект-Пресс.
Arutyunyan, Yu.V., Drobizheva, L.M., Susokolov, A.A. (1998). *Ethnosociology: Textbook for higher education institutions*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
5. Аузан, А.А. (2024). Индивидуализм и коллективизм: Два культурных ядра России. *Философские науки*, 67(4), 11–26. <https://doi.org/10.30747/0235-1188-2024-67-4-11-26>
Auzan, A.A. (2024). Individualism and collectivism: Two cultural nuclei of Russia. *Philosophical Sciences*, 67(4), 11–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.30747/0235-1188-2024-67-4-11-26>
6. Баринова, Н.Г. (2024). Религиозность как фактор субъективного благополучия российских женщин в межкультурных браках с гражданами ОАЭ. *Minbar. Islamic Studies*, 17(2), 480–498. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-2-480-498>
Barinova, N.G. (2024). Religiosity as a factor of subjective well-being of Russian women in intercultural marriages with UAE citizens. *Minbar. Islamic Studies*, 17(2), 480–498. (In Russ.). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-2-480-498>
7. Берриос Кальехас, С.А. (2021). Восприятие эмоций и культурной дистанции иностранными студентами в России. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 1(2), 194–201. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.15>

- Berryos Callejas, S.A. (2021). Emotional perception and cultural distance among foreign students in Russia. *DEMIS. Demographic Research*, 1(2), 194–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.15>
8. Бульцева, М.А., Бушина, Е.В., Берберян, А.С., Коджа, Е.А. (2021). Роль советской идентичности во взаимосвязи мультикультурализма и проницаемости социальных границ для русских в Армении. *Культурно-историческая психология*, 17(4), 56–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170406>
- Bul'tseva, M.A., Bushina, E.V., Berberian, A.S., Koja, E.A. (2021). The role of Soviet identity in the correlation between multiculturalism and social boundary permeability for Russians in Armenia. *Cultural-historical Psychology*, 17(4), 56–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2021170406>
9. Бусыгина, Н. (2019). *Качественные и количественные методы исследований в психологии*. М.: Юрайт.
- Busygina, N. (2019). *Qualitative and quantitative research methods in psychology*. Moscow: Yurait. (In Russ.).
10. Галяпина, В.Н. (2002). *Влияние принадлежности супругов к разным этносам на неудовлетворенность супружескими взаимоотношениями*: Дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН.
- Gal'apina, V.N. (2002). *The impact of spouses belonging to different ethnic groups on dissatisfaction with marital relationships*: PhD dissertation. Moscow: IP RAS. (In Russ.).
11. Жог, В.И., Соколовская, И.Э. (2015). Религиозность как адаптивный ресурс в условиях психосоциального стресса. *Преподаватель XXI век*, 1, 96–104.
- Zhog, V.I., Sokolovskaya, I.E. (2015). Religiosity as an adaptive resource under psychosocial stress conditions. *Teacher of the XXI century*, 1, 96–104. (In Russ.).
12. Кваде, С. (2003). *Исследовательское интервью*. М.: Смысл.
- Kvale, S. (2003). *Research interview*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
13. Кошарная, Г.Б., Кошарный, В.П. (2016). Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. *Общественные науки*, 2(38), 117–122. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2016-2-13>
- Kosharnaya, G.B., Kosharnyi, V.P. (2016). Triangulation as a way to ensure the validity of empirical research results. News of Higher Educational Institutions. Volga Region. *Social Sciences*, 2(38), 117–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2016-2-13>
14. Левкович, В.П. (1990). Особенности супружеских взаимоотношений в разнонациональных семьях. *Психологический журнал*, 2, 25–35.
- Levkovich, V.P. (1990). Characteristics of marital relationships in mixed nationality families. *Psychological Journal*, 2, 25–35. (In Russ.).
15. Лурье, С.В. (2020). Межэтнические браки в контексте мировоззрения современной русской молодежи: Ценности семейного и национального, приватного и общественного. *Идеи и идеалы*, 12(2), 275–294. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-275-294>
- Lurye, S.V. (2020). Intereenthnic marriages in the context of modern Russian youth's worldview: values of family and nationhood, privacy and society. *Ideas and Ideals*, 12(2), 275–294. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-275-294> (In Russ.).
16. Мельникова, О.Т., Хорошилов, Д.А. (2014). Современные критериальные системы валидности качественных исследований в психологии. *Национальный психологический журнал*, 2(14), 36–48. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0205>

- Melnikova, O.T., Khoroshilov, D.A. (2014). Current validation criteria systems for qualitative research in psychology. *National Psychological Journal*, 2(14), 36–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0205>
17. Павлова, О.С. (2024). Семейные отношения мусульман постсоветского пространства: Основные черты и подходы к психологическому консультированию. *Minbar. Islamic Studies*, 17(4), 953–978. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-4-953-978>
- Pavlova, O.S. (2024). Family relationships of Muslims in post-Soviet space: Main features and approaches to psychological counselling. *Minbar. Islamic Studies*, 17(4), 953–978. (In Russ.). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-4-953-978>
18. Павлова, О.С. (2013). Чеченский этнос сегодня: Черты социально-психологического портрета. М.: Горизонт.
- Pavlova, O.S. (2013). *Chechen ethnicity today: Traits of socio-psychological profile*. Moscow: Horizon. (In Russ.).
19. Пищик, В.И., Жолдасов, Д.С. (2024). Тренды коллективизма и индивидуализма в ментальности представителей молодых поколений. *Мир науки. Педагогика и психология*, 12(1). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN124.pdf>
- Pishchik, V.I., Zholdasov, D.S. (2024). Trends of collectivism and individualism in the mentality of younger generations. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 12(1). (In Russ.). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN124.pdf>
20. Ростовская, Т.К., Кучмаева, О.В., Афзали, М., Ирсецкая, Е.А. (2022). Межкультурные браки в условиях трансформации модели семьи: на примере России и Ирана. *Регионология*, 30(2), 405–423. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.405-423>
- Rostovskaya, T.K., Kuchmaeva, O.V., Afzali, M., Irsetskaya, E.A. (2022). Intercultural marriages in the context of family model transformation: Case study of Russia and Iran. *Regional Studies*, 30(2), 405–423. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.405-423>
21. Ростовская, Т.К., Ростовская, Н.А. (2016). Кросс-культурные браки в молодежной среде: проблемы, тенденции. *Культурное наследие России*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krosskulturnye-braki-v-molodyozhnoy-srede-problemy-tendentsii>
- Rostovskaya, T.K., Rostovskaya, N.A. (2016). Cross-cultural marriages in youth environments: Problems, tendencies. *Cultural heritage of Russia*, 2. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krosskulturnye-braki-v-molodyozhnoy-srede-problemy-tendentsii>
22. Ростовская, Т.К., Сулейманов, А.Д. (2017). Жизнеспособность кросс-культурных браков в России и Азербайджане. *Вестник ВЭГУ*, 2(88), 110–117.
- Rostovskaya, T.K., Suleymanov, A.D. (2017). Survivability of cross-cultural marriages in Russia and Azerbaijan. *Bulletin of VEGU*, 2(88), 110–117. (In Russ.).
23. Рязанцев, С.В., Сивоплясова, С.Ю., Ростовская, Т.К., Бушкова, Л.А. (2018). Брачная эмиграция женщин из России: Масштабы, причины, особенности. *Женщина в российском обществе*, 4, 85–99. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8>
- Ryazantsev, S.V., Sivopyasova, S.Yu., Rostovskaya, T.K., Bushkova, L.A. (2018). Women's migration for marriage from Russia: Scale, reasons, peculiarities. *Woman in Russian Society*, 4, 85–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8>
24. Сикевич, З.В., Поссель, Ю.А. (2019). Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ). *Социологический журнал*, 25(1), 121–136. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>

- Sikevich, Z.V., Possiel, Yu.A. (2019). Structure and typology of ethnic identity of members of interethnic and monoethnic families (comparative analysis). *Sociological Journal*, 25(1), 121–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>
25. Степанова, Г.С. (2022). Изучение этнической идентичности и ценностных ориентаций с точки зрения их феноменальности и поколенной преемственности. *Международный научно-исследовательский журнал*, 4(118). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.118.4.064>
- Stepanova, G.S. (2022). Studying ethnic identity and value orientations from the standpoint of their phenomenality and generational continuity. *International Research Journal*, 4(118). (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.118.4.064>
26. Триандис, Г.К. (2010). *Культура и социальное поведение: учебное пособие* / пер. В.А. Соснина. М.: Форум.
- Triandis, G.K. (2010). *Culture and social behavior: Textbook* / translation by V.A. Sosnin. Moscow: Forum. (In Russ.).
27. Федотова, В.А. (2022). Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран. *Социальная психология и общество*, 13(2), 109–122. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130208>
- Fedotova, V.A. (2022). The impact of acculturation strategies, ethnic identity, and cultural distance on sociocultural adaptation of Arab students. *Social Psychology and Society*, 13(2), 109–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130208>
28. Фишман, О.М., Ивановская, Н.И. (2007). Взаимные стереотипы: из опыта международного выставочного проекта. *Антропологический форум*, 6, 313–339.
- Fishman, O.M., Ivanovskaya, N.I. (2007). Mutual stereotypes: Experience of an international exhibition project. *Anthropological Forum*, 6, 313–339. (In Russ.).
29. Чеботарёва, Е.Ю. (2019). Межкультурные особенности связей чрезмерного родительства с психологическим благополучием современных старших подростков. *Современная зарубежная психология*, 8(4), 7–15. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080401>
- Chebotareva, E.Yu. (2019). Intercultural features of excessive parenting connections with psychological well-being of modern senior teenagers. *Contemporary Foreign Psychology*, 8(4), 7–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080401>
30. Babiker, I.E., Cox, J., Miller, P. (1980). The Measurement of Cultural Distance and Its Relationship to Medical Consultations, Symptomatology and Examination Performance of Overseas Students at Edinburgh University. *Social Psychiatry*, 15(3), 109–116. <https://doi.org/10.1007/BF00578141>
31. Bandyopadhyay, S., Green, E. (2021). Explaining Inter Ethnic Marriage in Sub Saharan Africa. *Journal of International Development*, 33. <https://doi.org/10.1002/jid.3535>
32. Braun, V., Clarke, V. (2022). *Thematic Analysis. A Practical Guide*. London: Sage Publications. ISBN: 978-1-4739-5323-9
33. Campbell, K., Silva, L., Wright, D. (2012). Intercultural Relationships: Entry, Adjustment, and Cultural Negotiations. *Journal of Comparative Family Studies*, 43, 857–870. <https://doi.org/10.2307/41756274>
34. Chebotareva, E.Y., Volk, M.I. (2020). Life and Family Values Similarity in Inter-Ethnic and Inter-Faith Couples. *Behavioral Sciences*, 10(1), 38. <https://doi.org/10.3390/bs10010038>
35. Cools, C. (2006). Relational Communication in Intercultural Couples. *Language and Intercultural Communication*, 6(3–4), 262–274. <https://doi.org/10.2167/laic253.0>
36. Foeman, A., Nance, T. (1999). From Miscegenation to Multiculturalism: Perceptions and Stages of Interracial Relationship Development. *Journal of Black Studies*, 29, 540–557.

37. Gaines, S., Agnew, C. (2003). Relationship Maintenance in Intercultural Couples: An Interdependence Analysis. In D. Canary, M. Dainton (Eds.), *Maintaining Relationships Through Communication* (pp. 231–253). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
38. Galchenko, I., van de Vijver, F. (2007). The Role of Perceived Cultural Distance in the Acculturation of Exchange Students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2), 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
39. García-Mendoza, M.C., Parra, A., Sánchez-Queija, I., Oliveira, J.E., Coimbra, S. (2022). Gender Differences in Perceived Family Involvement and Perceived Family Control During Emerging Adulthood: A Cross-Country Comparison in Southern Europe. *Journal of Child and Family Studies*, 31(4), 1007–1018. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02122-y>
40. Hofstede, G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage.
41. Livingston, G., Brown, A. (2017). *Trends and Patterns in Intermarriage. Intermarriage in the U.S. 50 Years After Loving v. Virginia*. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2017/05/18/trends-and-patterns-in-intermarriage> (accessed 10.09.2024).
42. Stępkowska, A. (2021). Identity in the Bilingual Couple: Attitudes to Language and Culture. *Open Linguistics*, 7(1), 223–234. <https://doi.org/10.1515/ol-2021-0020>
43. Sue, D. (2001). Multidimensional Facets of Cultural Competence. *The Counseling Psychologist*, 29(6), 790–821. <https://doi.org/10.1177/00111000001296002>
44. Suanet, I., van de Vijver, F.J.R. (2009). Perceived Cultural Distance and Acculturation Among Exchange Students in Russia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 19(3), 182–197. <https://doi.org/10.1002/casp.989>
45. Ting-Toomey, S. (2009). A Mindful Approach to Managing Conflict in Intercultural Intimate Couples. In T. Karis & K. Killian (Eds.), *Intercultural Couples: Exploring Diversity in Intimate Relationships* (pp. 31–49). London: Routledge.
46. Van Niekerk, J., Verkuyten, M. (2018). Interfaith Marriage Attitudes in Muslim Majority Countries: A Multilevel Approach. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 28(4), 257–270. <https://doi.org/10.1080/10508619.2018.1464556>
47. Wojnowski, Z. (2015). The Soviet People: National and Supranational Identities in the USSR after 1945. *Nationalities Papers*, 43(1), 1–7. <https://doi.org/10.1080/00905992.2014.953467>

Информация об авторах

Ольга Сергеевна Павлова, кандидат педагогических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Наталья Владимировна Ткаченко, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0315-8511>, e-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Валентина Васильевна Гриценко, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Гриценко В.В.,
Баринова Н.Г., Титова О.В. (2025)
Сравнительно-сопоставительный анализ...
Социальная психология и общество,
16(3), 99–121.

Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Gritsenko V.V.,
Barinova N.G., Titova O.V. (2025)
Comparative-contrastive analysis...
Social Psychology and Society,
16(3), 99–121.

Наталья Геннадиевна Баринова, психолог, соискатель ученой степени кандидата философских наук, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6112-9199>, e-mail: ngbuae@gmail.com

Ольга Владимировна Титова, психолог, магистр психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3457-3747>, e-mail: olgatitova77@gmail.com

Information about the authors

Olga S. Pavlova, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Professor of the Department of Cross-Cultural Psychology & Psychological Problems of Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Natal'ya V. Tkachenko, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of Department of Cross-Cultural Psychology & Psychological Problems of Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0315-8511>, e-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Cross-Cultural Psychology & Psychological Problems of Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Nataliya G. Barinova, Psychologist, PhD candidate, Department of Philosophy, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6112-9199>, e-mail: ngbuae@gmail.com

Olga V. Titova, Psychologist, Master in Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3457-3747>, e-mail: olgatitova77@gmail.com

Вклад авторов

Павлова О.С. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; анализ результатов исследования.

Ткаченко Н.В. — применение качественных методов для анализа данных; описание результатов исследования.

Гриценко В.В. — аннотирование, написание и оформление рукописи; анализ результатов исследования.

Баринова Н.Г. — планирование исследования; проведение исследования, описание результатов исследования.

Титова О.В. — планирование исследования; проведение исследования, описание результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Pavlova O.S. — research ideas; annotation, writing, and formatting of the manuscript; research planning; analysis of research results.

Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Гриценко В.В.,
Баринова Н.Г., Титова О.В. (2025)
Сравнительно-сопоставительный анализ...
Социальная психология и общество,
16(3), 99–121.

Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Gritsenko V.V.,
Barinova N.G., Titova O.V. (2025)
Comparative-contrastive analysis...
Social Psychology and Society,
16(3), 99–121.

Tkachenko N.V. — application of qualitative methods for data analysis; description of research results.

Gritsenko V.V. — annotation, writing, and formatting of the manuscript; analysis of research results.

Barinova N.G. — research planning; research execution, description of research results.

Titova O.V. — research planning; research execution, description of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Респондентами было предоставлено письменное информированное согласие на участие в этом исследовании.

Ethics statement

The respondents provided written informed consent to participate in this study.

Поступила в редакцию 12.07.2024

Received 2024.07.12

Поступила после рецензирования 13.07.2025

Revised 2025.07.13

Принята к публикации 19.09.2025

Accepted 2025.09.19

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30